

Графостилистические особенности русскоязычных включений в письмах Отто фон Бисмарка

Елена Владимировна Санина¹, Константин Анатольевич Филиппов²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

¹ st087716@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0594-3549>

² k.filippov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8702-6112>

Аннотация. В статье на основании лингвистического анализа писем О. фон Бисмарка исследуются графостилистические особенности номинации русскоязычных включений и связанных с ними способов передачи реалий, таких как слова-цитаты, комментирующий перевод, кальки и функциональные аналоги.

Ключевые слова: графостилистика, иноязычное включение, реалия, русский язык, немецкий язык, О. фон Бисмарк, эпистолярный текст

Original article

Graphostylistic Features of Russian-Language Insertions in the Letters of Otto von Bismarck

Elena V. Sanina¹, Konstantin A. Filippov²

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ st087716@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0594-3549>

² k.filippov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8702-6112>

Abstract. Based on the linguistic analysis of Otto von Bismarck's correspondence, the article examines the graphostylistic features of the Russian-language insertions and the related strategies for rendering culture-specific elements, including quoted words, explanatory translation, calques, and functional equivalents.

Keywords: graphostylistics, foreign-language inclusion, culture-specific element, Russian language, German language, O. von Bismarck, epistolary text

I. Введение

Отто фон Бисмарк (1815–1898), основатель и первый канцлер Германской империи, в 1859–1862 гг. был прусским посланником в России, что нашло отражение в его частной и деловой переписке [1, с. 9; 2, с. 22]. Хотя речевое богатство эпистолярных текстов Бисмарка не раз отмечалось многими авторами [1, с. 11; 3, с. 459], строго лингвистических исследований на эту тему явно недостаточно [3; 4; 5].

Цель настоящего исследования заключается в анализе русскоязычных включений, используемых Бисмарком в письмах при обращении к российским реалиям. В статье решаются следующие задачи: дается определение терминам «реалия» и «иноязычное включение»; рассматриваются существующие способы передачи на письме российских реалий; формируется выборка русскоязычных включений; проводится анализ графостилистических особенностей выбранных фрагментов.

Корпус примеров составлен на основе сплошной выборки текстовых фрагментов из писем Бисмарка. В первую очередь анализу подлежит форма

представления реалии-включения: передается она кириллицей или латиницей, сопровождается переводом или комментарием. Для оценки степени освоенности лексем используется контекстологический анализ в сочетании с компонентным анализом по дефинициям из словарей, энциклопедий и других источников.

Материалом исследования послужили четыре тома корреспонденции О. фон Бисмарка (869 писем), адресованной как членам семьи (сестре, жене и др.) [6; 7], так и политическим деятелям Пруссии (Л. фон Герлаху, А. фон Шлейницу) [8; 9].

II. Способы передачи российских реалий в письмах О. фон Бисмарка

Бисмарк начал заниматься русским языком еще до отъезда в Россию, о чем свидетельствуют вставки на кириллице в письме его зятю Оскару [6, S. 93]. В Петербурге прусский посланник продолжил изучение языка под руководством В. Алексеева, студента юридического факультета Санкт-Петербургского университета [10, с. 449–450].

Достигнутый уровень владения языком позволял Бисмарку читать русскоязычную периодику и поддерживать общение на бытовые темы, однако не был достаточен для полноценного участия в салонных беседах [3, с. 459–460; 11, с. 54–55]. Современные исследователи не располагают ни одним связным эпистолярным текстом, который был бы написан Бисмарком на русском языке, однако в его письмах и пометках на полях донесений встречаются русскоязычные включения [11, с. 53].

Изучение Бисмарком русского языка предполагало и более подробное знакомство с российскими реалиями. Как справедливо замечает А. С. Герд, в каждом языке отражаются экстралингвистические факты, характерные для культуры того или иного этноса [12, с. 60]. Номинации таких экстралингвистических фактов принято называть реалиями [13, с. 6–7]. Реалии выступают в роли носителей идентичности этноса [14, S. 288]. Э. Маркштайн считает, что к реалиям относятся не только номинации объектов материальной и духовной действительности, но и сокращения, титулы, названия праздников, формулы вежливости, иногда междометия и жесты [14, S. 289].

Реалии тесно связаны с понятием иноязычных включений. Иноязычные включения представляют собой лексемы, словосочетания, предложения и более крупные отрезки текста, принадлежащие системе другого языка [15, с. 119]. Граница между иноязычными включениями и другими видами иноязычной лексики нечетка и проницаема: часть реалий, утвердившихся в лексиконе принимающего языка, в определенный момент относилась к иноязычным включениям, которые в результате частого употребления постепенно обрели черты, свойственные словам этого языка, и перешли в статус заимствований [16, с. 62]. Иноязычные включения фактически выступают отправной точкой при передаче и освоении реалий другой культуры: они со временем могут войти в систему принимающего языка или обрести устоявшийся перевод.

В настоящем исследовании при анализе русскоязычных включений используется классификация, предложенная Э. Маркштайн и включающая

четыре способа передачи реалий: слова-цитаты, кальки, функциональные аналоги и комментирующий перевод [14, S. 290–291]. Указанная классификация дополняется пятой категорией — собственно русскоязычными включениями, куда входят лексемы, переданные кириллицей или латиницей, но, в отличие от слов-цитат, не обладающие соответствиями в немецких энциклопедиях и словарях, т. е. не освоенные системой принимающего языка. При этом чуждость основному языку текста может проявляться на уровне графики: так, в случае оформления антиквой латинизированные включения визуально выделяются на фоне готического шрифта [17, с. 420].

Результаты распределения примеров из выборки по способам передачи реалий отображены с помощью диаграммы (см. рис.).

Рис. Соотношение способов передачи реалий

Рамки настоящего исследования ограничены лингвистическим анализом 184 примеров из 1014, входящих в первоначальную выборку: антропонимы и наибольшая часть топонимов исключаются из рассмотрения. 16 примеров совмещают в себе разные способы передачи реалий, поэтому учитываются в нескольких категориях.

Слова-цитаты

Первое место по встречаемости в выборке занимают слова-цитаты (60%). Они обладают устоявшимися способами передачи и фиксируются в немецких словарях, энциклопедиях и справочниках, некоторые из них становятся основой для дериватов (*werstlang*, *rublig* и т. д.).

Слово-цитата *Sarafan* появляется в конце письма Иоганне от 5 мая 1847 г.:

(1) *Leb wohl viel tausend mal und grüße Dein Mutterchen eben so oft. Webt sie den roten Sarafan?* [7, S. 75].

Лексема используется в вопросительном предложении, которое содержит в себе аллюзию на песню «Красный сарафан» [18, S. 2–3]. Переводной текст песни из нотного журнала *Aurora*, в котором это русское существительное онемечивается и снабжается сноской с определением [18, S. 2], свидетельствует о постепенном вхождении реалии в систему немецкого языка.

К словам-цитатам относятся *Wedro* и *R. S.* из следующего примера:

(2) *Der bisherige Pächtertrag wird durch keine Art Besteuerung aufzubringen sein, da jetzt ein Wedro, etwa 3/4 R. S. an Werth in der Brennerei, zu 8 bis 10 R. S. in letzter Hand verkauft wird* [9, S. 131].

Номинация русской меры объема жидкостей *Wedro* приводится в статье о России из энциклопедии братьев Гердеров (1854–57), и объясняется с помощью других мер объема: *1 Wedro = 10 Kruschka = 12,29 frz. Litr. = 1/40 Oxhoft* [19]. Второе включение — сокращение *R. S.* — в справочнике для купцов и промышленников расшифровывается как *Rubel Silber* [20, S. 661]. Таким образом, ко времени пребывания Бисмарка в петербургской миссии обе номинации уже освоены немецким языком.

В письме министру иностранных дел Пруссии А. фон Шлейницу (июль 1860 г.) встречается лексема *Troika*:

(3) *Die Idee der Tripel-Allianz mit uns und Frankreich ist hier schon mehr in den Hintergrund getreten; man hat sich überzeugt, daß wir keine Neigung haben uns in diese Troika einspannen zu lassen...* [9, S. 76].

Это слово, как свидетельствует энциклопедия братьев Гердеров, уже входило в лексикон немецкого языка: *russ. Wagen mit 3 Pferden* [19]. В рассматриваемом примере оно используется не в прямом значении, а в переносном: в составе развернутой метафоры, уподобляющей тройке возможный союз между Россией, Францией и Пруссией.

В одном из писем Л. фон Герлаху встречается композит *Spree-Kosaken*, который употребляли противники политики Бисмарка и его окружения:

(4) *...später fand man, daß wir nach Juchten rochen, und nannte uns Spree-Kosaken* [8, S. 325].

В настоящей номинации соединяются реалии двух культур, немецкой и русской соответственно: определяющая часть композита представляет собой гидроним *Spree*, а определяемая — заимствованный этноним *Kosaken*. Участие лексемы *Kosaken* в словосложении свидетельствует о ее освоенности системой немецкого языка.

Комментирующий перевод, кальки и функциональные аналоги

Третьим по распространенности в выборке является комментирующий перевод (8%). Комментарием сопровождаются русские лексемы, оформленные либо кириллицей, либо латиницей, значение которых, с точки зрения автора, требует пояснений. В одном из писем присутствует случай комментирования немецких фамилий, русскоязычные версии которых Бисмарк увидел на вывесках:

(5) *Meine Wegweiser sind die Kaufmannsschilder, besonders die Шульц, Миллеръ und Шмидтъ, unter deren russischer Schreibkunst man mit Rührung Schulze, Müller und Schmidt entziffert. Heut entdeckte ich auch Ягръ (Jäger) und Deiner Mutter Freund Ганожскъ, Hanoschke, eigentlich Ganoschke, denn H gibt es nicht* [7, S. 377].

Бисмарк узнает в фамилиях, переданных кириллицей: «Шульц, Миллеръ und Шмидтъ»; «Ягръ»; «Ганожскъ», — немецкие имена собственные и сопоставляет их с исходными вариантами: *Schulze, Müller und Schmidt; Jäger; Hanoschke*. Последняя фамилия также сопровождается транслитерацией русской версии: *Ganoschke*. Транслитерации сопутствует наблюдение Бисмарка, связанное с заменой немецкой буквы *h* русской «г» в начале фамилии: *H gibt es nicht*, т. е. сопоставление немецких фамилий и их русскоязычных вариантов заставляет адресанта задуматься об особенностях систем немецкого и русского языков вообще.

В следующем примере комментарием сопровождается переданное кириллицей слово «Овесъ»:

(6) ...er [der Kutscher] stiehlt ihm [dem Reitpferd] den **Овесъ** (*oviooss, Hafer*, Du siehst ich setze die russischen Studien fort) [7, S. 378].

Кириллическое включение интегрировано в немецкий текст: оно написано с заглавной буквы и сопровождается определенным артиклем *den*. По этим признакам немецкоязычный читатель может сделать вывод, что перед ним существительное, употребленное в единственном числе и винительном падеже и относящееся к мужскому роду. Лексему сопровождает примечание в скобках, содержащее ее латинскую версию *oviooss*, оформленную антиквой, и немецкий эквивалент *Hafer*. В конце своего примечания Бисмарк подчеркивает, что продолжает заниматься русским языком (*Du siehst ich setze die russischen Studien fort*), т. е. прокомментированное включение служит доказательством того, что это действительно так.

Не всегда комментирующий перевод осуществляется на немецкий язык. Так, в одном из писем А. фон Шлейницу присутствует переданный латиницей орнитоним *Räptschiks*:

(7) In Betreff der **Räptschiks** (*gêlinottes*) <...> darf ich mich als wohlfeilen Lieferanten empfehlen, Stück für Stück 6 sgr (22 1/2 K) [9, S. 137–138].

Он сопровождается не немецким, а французским эквивалентом: *gêlinottes*. Использование французского языка в комментарии объясняется его международным статусом в XIX в.

На кальки приходится 3% примеров. Так, в следующем фрагменте используется словосочетание *alten Styls*:

(8) *Obolenski sagt mir, October **alten Styls** wäre der angenehmste Reisemonat in Rußland, weil die große Hitze dann nachlasse* [7, S. 405].

Это словосочетание представляет собой кальку с лат. *stili veteris*, о чем свидетельствует статья в словаре иностранных выражений Е.-Ф.-Хр. Эртеля: *st. v. stili veteris, alten Stils* [21, S. 802]. В приведенном примере *alten Styls* указывает на размытый промежуток времени: на месяц, а не на точную дату. Графическое выделение прилагательного *alten* с помощью разрядки позволяет Бисмарку подчеркнуть, что речь идет об октябре по юлианскому календарю.

В следующем примере присутствуют два фалеронима: *Georgen-Orden* и *Georgen-Katharinen-Orden*:

(9) *Die Sendung des Fürsten Paskewitsch mit dem **Georgen-Orden** für den König, und **Georgen-Katharinen-Orden** für die Königin, hat Fürst Gortschakow sehr gern gesehen...* [9, S. 149].

Первое слово представляет собой кальку названия Ордена Св. Георгия: 21 февраля 1861 г. Франциск II, король Обеих Сицилий, был удостоен Ордена Св. Георгия 4-ой степени [22, с. 171]. Второе слово — контаминация двух разных фалеронимов: Мария София Амалия, супруга Франциска II, была удостоена Ордена Св. Георгия 4-ой степени и Ордена Св. Великомученицы Екатерины [22, с. 171; 23, с. 590]. Названия этих наград Бисмарк при калькировании объединяет в одно слово *Georgen-Katharinen-Orden*, используя возможности немецкого словообразования для создания емкой номинации.

На подбор аналога приходится наименьшее количество примеров — 1%. В первом фрагменте присутствует лексема *Maienfest*:

(10) *Wir Wilden hier sind doch bessre Leute, lesen in Ruhe die Petersburger in 3 Sprachen, fuhren gestern aufs **Maienfest** (1./13.) nach Kathrinhof...* [7, S. 385].

Это существительное использовано в качестве наименования гуляний в Екатерингофе, которые не назывались «майским праздником» в русской традиции [24, с. 313–330]. Предлагаемый аналог *Maienfest* представляет собой номинацию весеннего праздника, изначально связанного с языческими верованиями древних германцев [25, S. 597–598].

Во втором примере аналог подбирается для реалии «самовар»:

(11) *Ein Samowar ist ein russischer Theekessel, so einer, wie wir ihn in Reinfeld haben...* [7, S. 402].

В настоящем случае происходит соединение комментирующего перевода с подбором аналога. Сначала Бисмарк определяет самовар как «русский чайник» (*ein russischer Theekessel*), а в дальнейшем конкретизирует свое объяснение аналогом — чайником из Райнфельда (*so einer, wie wir ihn in Reinfeld haben*).

Собственно русскоязычные включения

Собственно русскоязычные включения занимают второе место по пространенности в выборке (28%). В эту группу входят как вставки на кириллице, так и латинизированные русскоязычные слова, не освоенные немецким языком. Например, в одном из писем жене присутствуют два включения на кириллице: «сѣ Богомъ» и «Ничего!»:

(12) *...soll es sein, dann сѣ Богомъ wie unsre Kutscher sagten, wenn sie die Leine nahmen. Im nächsten Sommer wohnen wir dann vermuthlich in Schönhäusen. Ничего!* [7, S. 428].

Значение обоих выражений не эксплицировано: первое сопровождается указанием на ситуацию, в которой его использовали русские кучера, а второе выступает в качестве самостоятельного восклицательного предложения. Отсутствие комментария к значению включений может быть связано с уверенностью Бисмарка, что его жена Иоганна, жившая вместе с ним в Петербурге во время дипломатической миссии, и так понимает их суть.

Два следующих примера — *pruski paslannik* и *ja ssam* — также взяты из писем Иоганне:

(13) *...meine Zauberformel pruski paslannik fand zunächst nur die Erwiderung, daß der nicht da wohne; erst auf meine Behauptung ja ssam, ich selbst bins, wachte der Russe vollständig auf...* [7, S. 367].

Оба включения оформлены антиквой, что визуально выделяет их на фоне фактуры. Первое включение соединяет в себе транслитерацию и транскрипцию: удвоенное *s* в прилагательном и *a* вместо *o* в безударной позиции в существительном отражают русские произносительные особенности, в то время как удвоение *n* в существительном соответствует орфографической норме. Во втором включении в лексеме *ssam* для передачи русского звучания Бисмарк использует удвоенное *s*, чтобы избежать прочтения одиночного *s* как /z/ перед гласной фонемой по правилам

немецкого языка. Это включение также сопровождается комментирующим переводом: *ich selbst bins*.

Далее будет рассмотрено кириллическое включение «сей часъ»:

(14) ...auf jede Anfrage <...> heißt es **сей часъ** (*sseitschäß*), *sogleich*, mit unerschütterlich freundlicher Ruhe, aber dabei bleibt es [7, S. 393].

В скобках следом за включением Бисмарк предлагает свой вариант транскрипции *sseitschäß*, при этом оформляет его готическим шрифтом. Через запятую приводится немецкий эквивалент *sogleich*. За счет кириллицы, транскрипции и перевода русскоязычное включение привлекает к себе внимание адресата и усиливает антитезу, присутствующую во фрагменте.

В одном из писем представлены затранскрибированные возгласы ямщика *pravée – i verräter, skarrée – i, skarréeee – i*, оформленные антиквой и снабженные ударениями:

(15) *Mir füllen die Posthäuser und Werstpfähle noch den Kopf, und das Klingeln der Pferde, das Schreien der Postillons und des Verräthers (Vorreiter) und des Conducteurs ewiges pravée – i verräter, skarrée – i, skarréeee – i...* [7, S. 367–368].

Передача протяжного звучания возгласов осуществляется с помощью дублирования букв *r* и *e*, а также добавления *i* после тире. Кроме того, в рассматриваемой последовательности вместо лексемы «фореитор» использовано существительное *verräter*, написанное с маленькой буквы. В этом случае Бисмарк передает звучание русского слова с помощью языковой игры, основанной на омофонии двух разных по семантике лексем: нем. *Ver-räter* и русс. «фореитор».

III. Заключение

В ходе исследования было установлено, что в своих письмах Бисмарк использует разные способы представления русскоязычных реалий-включений. Как показал анализ 184 примеров, наиболее частотны слова-цитаты, освоенные немецким языком (60%), и собственно русскоязычные включения (28%). Примечательно, что у слов-цитат и русскоязычных включений, как правило, отсутствует пояснительный комментарий. Вероятно, в таком случае адресат должен понять их значение исходя из контекста и своих собственных знаний. В письмах Бисмарка слова-цитаты приобрели черты, свойственные словам немецкого языка, некоторые из них стали основой для дериватов, но тем не менее они сохранили отпечаток русской самобытности.

Определенные закономерности можно обнаружить также в графической передаче русскоязычных заимствований. Использование кириллицы для воссоздания облика русскоязычного включения с одновременной транскрипцией и переводом на немецкий язык, несомненно, привлекает внимание адресата к тому или иному фрагменту письма. Если слова-цитаты передаются готическим шрифтом или в случае латинизированных включений — с помощью антиквы, то все равно адресат обязательно обратит внимание на некоторую графическую неоднородность фрагмента и сможет по достоинству оценить языковую игру автора письма.

С помощью русскоязычных включений и попыток их перевода и/или комментария Бисмарк делится с адресатом новыми знаниями, демонстрирует самобытность русской культуры, а также предоставляет адресату возможность убедиться в том, что он продолжает изучать язык и культуру жителей России. Знакомство с русским языком и сопоставление его с родным немецким приводят Бисмарка к размышлениям об особенностях немецкой и русской языковых систем, а также позволяют ему эффективно использовать приобретенный словесный материал в эпистолярном деловом и семейном общении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дударев В. С. Предисловие // Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 гг. / Бисмарк О.; пер. с нем. и коммент. В. С. Дударева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. С. 9–36.
2. Филиппов К. А. Под редакцией Бисмарка // Всемирный следопыт. 2005. № 15. С. 18–31.
3. Лефельдт В. Бисмарк и русский язык // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 449–469.
4. Kraus H.-Chr. Emanzipation eines „diplomatischen Säuglings“ — ein Brief Otto von Bismarcks an Leopold von Gerlach // Briefkultur. Texte und Interpretationen — von Martin Luther bis Thomas Bernhard / J. Schuster, J. Strobel. Berlin/Boston, 2013. S. 187–197.
5. Lach R. Liebes- und Ehebriefe im 19. Jahrhundert – Bismarck, Sacher-Masoch, Stifter, Haackel // Handbuch Brief: Von der Frühen Neuzeit bis zur Gegenwart / M. Matthews-Schlinzig, J. Schuster, G. Steinbrink & J. Strobel. Berlin, Boston: De Gruyter, 2020. S. 1183–1194.
6. Briefe Bismarcks an Schwester und Schwager 1843–1897. Hrsg. von Horst Kohl. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1915. 171 S.
7. Fürst Bismarcks Briefe an seine Braut und Gattin. Vierte Auflage. Hrsg. vom Fürsten Herbert Bismarck. Stuttgart und Berlin: J. G. Gottasche Buchhandlung Nachfolger, 1914. 596 S.
8. Bismarcks Briefe an den General Leopold v. Gerlach. Hrsg. von Horst Kohl. Berlin: Verlag von O. Häring, 1896. 379 S.
9. Bismarcks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz 1858–1861. Stuttgart und Berlin: J. G. Gottasche Buchhandlung Nachfolger, 1905. 186 S.
10. Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Том LVIII. С. 448–458.
11. Власов Н. А. Отто фон Бисмарк и его восприятие России в годы дипломатической миссии в Санкт-Петербурге в 1850-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 2 (56). С. 53–58.
12. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 457 с.
13. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.
14. Markstein E. Realia // Handbuch Translation / M. Snell-Hornby. Unveränderter Nachdruck der 2. Auflage. Tübingen: Stauffenberg, 2015. S. 288–291.
15. Листрова-Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. 2001. № 1. С. 119–140.
16. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.

17. Филиппов К. А. Графическая символика и вербальный контекст (на материале немецких специальных текстов XVII–XVIII вв.) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2022. Вып. 12. С. 416–432.
18. ‘Aurora’. : Sammlung auserlesener Gesänge mit Begleitung des Pianoforte. № 3. Russisches Volkslied: Der rothe Sarafan. München: bei Jos. Aibl, Kaufingerstrasse. c. 1850. № 26, 938-994. 3 S.
19. Herders Conversations-Lexikon (1. Auflage, 1854–1857), digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/25, <https://www.woerterbuchnetz.de/Herder> (дата обращения: 29.08.2025).
20. Vollständige Handelswissenschaft: Theorie u. Praxis derselben systemat. dargest. f. Kaufleute u. Industrielle, bes. f. Zöglinge d. Handels. In Verbindung mit tüchtigen Geschäftsmännern u. Gelehrten. Hrsg. von Theodor Wenzelburger. Stuttgart: Nübling, 1869. 661 S.
21. Oertel Eu. F. Chr. Gemeinnütziges Wörterbuch zur Erklärung und Verteutschung der im gemeinen Leben vorkommenden fremden Ausdrücke. Ein tägliches Hilfsbuch für Beamte, Kaufleute, Buchhändler, Künstler, Handwerker und Geschäftsmänner aus allen Klassen. 2. Auflage in zwei Bänden. Bd. 2. Gassert, Ansbach, 1806. 808 S.
22. Списки кавалерам военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, за боевые отличия. 26 ноября 1769 г. — 1 сентября 1880 г. СПб.: Воен. тип., 1880. 305 с.
23. Исторический обзор Ордена Св. Великомученицы Екатерины или ордена Освобождения // *Придворный календарь на 1911 год*. Санкт-Петербург: Поставщики Двора Его Императорского Величества. Т-во Р. Голике и А. Вилборга, Звенигородская, 11, 1910. 688 с.
24. Федоров Б. Гулянье в Екатерингофе 1 мая. Обзорение Екатерингофа. 7 мая // *Отечественные записки*. 1824. № 49. С. 313–330.
25. Götzinger E. Reallexicon der Deutschen Altertümer. Ein Hand- und Nachschlagebuch der Kulturgeschichte des deutschen Volkes. 2., vollständig umgearbeitete Auflage. Leipzig: Verlag von Woldemar Urban, 1885. 1151 S.

Статья поступила в редакцию 14.11.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 14.11.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторах:

Е. В. Санина — магистрант кафедры немецкой филологии;

К. А. Филиппов — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии.

Information about the Authors:

E. V. Sanina — master's student at the Department of German Philology;

K. A. Filippov — Doctor of Sciences (Philology), professor at the Department of German Philology.